

ЗЕМЛЕРОЙКА

В Немчиновке был еле живой дом, которым Васильев владел пополам с соседями, захламленная кухня с тараканами, комната, забитая мольбертами, и туча народу по выходным, когда он разрешал за червонец сидеть хоть целый день. А летом всех перегоняли в маленькую сараюшку на участке, и там уже занимались и в будни, а рядом клубника росла, но собирать не разрешалось.

Я помню, как на дом выдавали всякие части – то ухо, то нос, то глаз, а то вдруг и целого Цезаря. Я гордо возила его в авоське в электричке и присаживалась на макушку как на табуреточку. Периодически головы бились, но Васильев сильно не тужил, а тихо крысил с кафедры следующего. Кажется, их можно было где-то заказывать, – рублей по 25, что ли. Сократ причем стоил дороже, борода потому что, отливать трудней.

Я почему-то запомнила, что у него то ли дедушка, то ли папа был архитектор, и думала тогда, что него должно быть инстинктивное знание, как это все надо делать – рисовать там, чертить и прочее. А я всегда все знала про слова, и ничего – про дома.

Перед самыми вступительными экзаменами родители вдруг уехали в отпуск, – и я всех пригласила к себе домой из Немчиновки. Приехала целая тусовка.

Дома было страшно интересно, потому что без родителей, и мы пили чай из самых лучших французских чашек, и слушали Луи Лафоре. А потом стало одиннадцать вечера, и все разом ушли. Один только грациозный юноша остался, который в момент всеобщих прощаний ловко затерялся в глубине квартиры. Когда стихло, он вылез и объявил, что будет помогать мне мыть чашки.

А потом ему стало страшно идти домой, так что он позвонил своей маме и попросился заночевать.

Как это все неожиданно, право. Ну, что же делать. Разве что чашки...

И вот моем мы с ним посуду и всякие ведем интеллектуальные разговоры.

– А вы любите Модильяни?... Вот Пикассо мне как-то не очень. Особенно голубой период. Да, Пинк Флойд нам привозят прямо из Парижа. В последнем альбоме у них совершенно неожиданное звучание...

И тут замок дверной так тихо-тихо начинает поворачиваться. Такой немного отвратительный раздается звук, в разгар нашей артистической дискуссии.

Там возня какая-то неприятная слышна в прихожей, что-то падает, и наконец, пошло шлепая тапками, заходит в кухню мамина подруга. Мама потому что ей ключи оставила, если ей вдруг переночевать будет негде. Она живет далеко.

И она заходит, музыка эта подмосковная.

– Ой, здравствуйте.

При виде моего пугливого друга глаза у нее делаются, как у рыбы селедки, когда она уже под шубой приготовилась: так я и думала!

Мы, говорю, – тут с коллегой чашки моем, тем более ночью теперь очень страшно по городу стало ходить.

Анна Хоси

А Сыч в это время притворяется меланхоличным цветком на стене. Традесканцией, как бы. С удивленными ресницами.

Разложила я гостей по комнатам, а сама пошла к родителям в спальню. Настроение было как будто молоко кипяченое с пенкой пила.

А утром мне мамина подруга задушевно так говорит: ты, мол, даже не думай. Я тебя очень-очень понимаю. Так что ты маме не говори ничего. Я потому что ей сама расскажу.

И ведь рассказала. Швабра.